

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

*А. А. Борисов***РАННИЙ ЭТАП ПОЛИТИКИ
МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА В ЯКУТИИ**

В статье рассматривается ранний период этноконфессиональной политики Русского государства в отношении якутов (1632–1769 гг.). Автор впервые проанализировал особенности этой политики, этапы ее развития и на основе теории мультикультурализма развил тезис о патерналистском характере управления якутами со стороны центральной и местной администрации. Возникавшие конфликтные ситуации вовремя находили разрешение путем смягчения ясачного режима, переговоров с представителями элиты якутского общества — князьями и предоставления ей все расширявшегося объема полномочий по управлению своими территориями. Правительство с самого раннего времени понимало важность культурного диалога с народами, включенными в состав Русского государства, и предпринимало шаги в деле их приобщения к общероссийским культурным ценностям, в частности распространяя среди них образование.

Рассмотрены особенности этноконфессиональной политики Московского государства на примере анализа событий присоединения Якутии в XVII в., взаимоотношений между государством и элитой якутского общества, дальнейшего развития ясачной административной системы, некоторых этнокультурных сторон политики в отношении якутов. Автор проследил на конкретных фактах, как преодолевались кризисные ситуации, возникавшие в проведении данной политики, в частности в период реформ Петра I. Впервые обращено внимание на «проектное» решение конфликтных ситуаций начиная с середины XVIII в. как одного из эффективных способов осуществления этноконфессиональной политики. Проекты совершенствования управления иноверцами Якутии, сбора ясака, отнесения государственных повинностей создавались чиновниками, ссылкой царедворцами, якутскими князьями. Содержавшиеся в них идеи аккумулировались и на их основе вырабатывались специальные законы.

Борисов Андриан Афанасьевич — доктор исторических наук, приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН), Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; a_a_borisov@mail.ru

Borisov Andrian Afanas'evich — Doctor in History, Senior Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, ul. Petrozavodskaya, 197110, St. Petersburg, Russian Federation; a_a_borisov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование», проект № 15-18-00119, руководитель Б. Н. Миронов.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

В заключение автор выделил важнейшие черты раннего периода этноконфессиональной политики Русского государства в Якутии: гибкость форм административно-территориального устройства, невмешательство во внутренний уклад жизни ясачных, привлечение местной элиты к делам управления, готовность разрешать конфликтные ситуации мирными средствами там, где военные методы были неэффективными, веротерпимость. Библиогр. 35 назв.

Ключевые слова: якуты, Русское государство, этноконфессиональная политика, управление, ясачные, мультикультурный патернализм, ранний этап.

Для цитирования: Борисов А. А. Ранний этап политики мультикультурного патернализма в Якутии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 131–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.111

A. A. Borisov

EARLY STAGES OF PATERNALISTIC MULTICULTURAL POLICY IN YAKUTIA

The article considers the early experience of ethno-confessional policy towards Yakuts (1632–1769). The author first reviewed features of this policy and the stages of its development. Based on the theory of multiculturalism, a thesis about the nature of the administration of paternalistic management in Yakutia has been developed. The incipient conflict was resolved in a timely manner by a weakening of the yasak régime and in agreements with representatives of Yakutia's élites, namely chiefs, that gave them authority over the administration of their lands. Government at a very early time understood the importance of cultural dialogue with the peoples included in the composition of the Russian state and took steps towards the initiation to the all-Russian cultural values in particular by spreading education among them.

The article discusses features of ethno-confessional policy of the Moscow government in Yakutia in the 17th century: the relationship between the state and the elite of the Yakut society, the further development of the yasak administrative system, and some ethno-cultural features of that policy in relation to the Yakuts. The author has traced specific facts illustrating how the crisis that occurred in the conduct of this policy was overcome, particularly in the period of Petrine reforms. For the first time attention is drawn to the “project” of conflict resolution over the period of the mid-18th century as an effective means of ethno-confessional policy. Projects to improve the management of Yakuts, tribute collection, public service obligations were established by officials, exiled courtiers, and Yakut chiefs. The information contained in these ideas had accumulated and specific laws had developed.

In conclusion, the author identified the most important features of the early period of ethno-confessional policy of the Russian state in Yakutia: flexible forms of administrative-territorial, non-interference in the domestic life of Yakuts, involvement of the local elite in public administration, willingness to resolve conflicts through peaceful means where military methods were ineffective, and toleration. Refs 35.

Keywords: Yakuts, Russian State, ethno-confessional policy, rule, *yaschnye*, multicultural paternalism, early stage.

For citation: Borisov A. A. Early stages of paternalistic multicultural policy in Yakutia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 131–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.111

Россия — многонациональное государство, и ее история — это многовековой процесс объединения различных народов в рамках единой политической и законодательной системы. Раз возникнув, она не оставалась неизменной, но те изначальные характерные черты, присущие ей на ранней стадии, сохранялись и получали дальнейшее развитие. Важное место во внутренней политике государства занимала политика в отношении вновь присоединяемых территорий и народов. В зависимости от места и уровня развития этих народов, прежде всего политического, складывалась ее модель.

Придя в Восточную Сибирь, московские цари продолжили следовать политической модели, которая была ранее разработана в отношении народов Европейского Севера, Поволжья и Приуралья, а затем в Западной Сибири: «...Различные

мотивы экспансии, оба типа — прямого и непрямого — господства, проходящее разные ступени присоединение нерусских народов, начиная с установления экономической зависимости до административной и, наконец, полной социальной и культурно-конфессиональной интеграции» [Каппелер 2000, с. 18].

Объективно российский опыт этноконфессиональной политики базировался на мультикультурной модели, которая предполагает сохранение этнокультурного многообразия. В нашей работе мы будем исходить из данной теоретико-методологической установки.

В США между тем в первой половине XIX в. была сформулирована теория «предопределенной судьбы» как основы американской политики, согласно которой «естественное» превосходство американских порядков давало право не считаться с интересами «отсталых» народов [Уайт 2006, с. 13]. Политика сгона индейцев с территорий, которые они занимали, началась еще в XVII в., а в XIX в. она реализовывалась систематически. Правительство США заключало сотни договоров с различными индейскими племенами, но ни один из договоров не соблюдался и все закончилось насильственным переселением индейского населения в резервации [Уайт 2006, с. 209–237]. Примерно то же происходило с поправкой на местные условия и на северо-западе американского континента на территории Юкона. Между федеральным правительством и аборигенным населением складывались непростые отношения. Здесь сыграли свою роль отдаленность территории, малочисленность населения, отсутствие классических резерваций, создававшихся на остальной территории США и большей части Канады [Coats 1991, p. 159–186]. Но это скорее было исключением из правил. В арктической зоне, например на территории, где проживали преимущественно атапаски, ситуация еще более отличалась от того, что можно было наблюдать на остальных территориях США и Канады. В ранний период (1700–1850) здесь присутствовал «русский фактор» [Vanstone 1974, p. 91–96], так как со времен экспедиций В. Беринга Россия планомерно осваивала северо-запад североамериканского континента, привнося свой колониизационный опыт. Большую роль, как и в Сибири, играли добыча и реализация пушнины. Русское государство в лице Российско-американской компании так же, как и там, стремилось оказывать свое решающее воздействие на освоение вновь открытых территорий.

В отечественной историографии, хотя специальных работ по теме этноконфессиональной политики Русского государства в Якутии практически не было, некоторые частные вопросы решались — в большей степени с точки зрения завоевательной политики Русского государства [Левенталь 1929, с. 241–242, 244], а в советское время к этому добавился классовый подход. Утверждалось, что царизм, исходя из классовой солидарности, привлек на службу элиту туземного общества [Токарев 1940, с. 61–63, 70–71, 82–89; Романов 1956, с. 103–104; Башарин 2003, с. 149–150]. Тем не менее было признано, что имела место политика «попечительства» со стороны царского правительства, начавшаяся со второй половины XVII в. Причинами ее назывались борьба ясачных против гнета и произвола властей и падение их платежеспособности, эта политика имела фискальную и политическую цели (ликвидация недовольства ясачных, усиление позиций и сплочение тойонов) [Башарин 2003, с. 242, 358].

В зарубежной историографии изучению истории якутов в контексте этноконфессиональной политики Русского государства в изучаемое время достаточного

внимания не уделялось. Их судьба рассматривалась в общесибирском контексте [Fisher 1943; Lantzeff 1972; Wood 1991; Slezkine 1994 и др.]. Зарубежным ученым было сложно в силу объективных причин уловить локальные различия в политике Русского государства в отношении тех или иных этносов. Между тем они важны, так как царское правительство всегда учитывало культурные особенности присоединяемых народов, их образ жизни.

Несмотря на однозначное определение захватнической экспансии Русского государства в Сибири, такие исследователи, как Джордж Лантцев, писали, что аборигенное население находилось под покровительством государства, которое регулировало крестьянскую колонизацию и не распространяло свою протекцию на коммерческих конкурентов — торговцев и промышленников [Lantzeff 1972, p. 200–205]. Это очень важное наблюдение в ходе исследования интерпретировалось тем не менее не совсем корректно. Был справедливо показан процесс альянса правительства с верхушкой аборигенных народов и признано, что Россия не ставила цель русифицировать местные институты и обычаи сохранялись. Правительство издавало много установлений для защиты от насильственной христианизации и порабощения. Но эти меры имели утилитарную цель превратить аборигенов Сибири в государственных крепостных, обязанностью которых были промысел зверей и уплата ясака [Lantzeff 1972, p. 114]. Здесь применение самого термина «государственные крепостные» вызывает недоумение. Русское государство никогда не проводило политику создания такой категории населения. Другое дело, что со временем правительство стало склоняться к идее приравнять положение сибирских «инородцев» к статусу государственных крестьян.

Таким образом, изучение особенностей этноконфессиональной политики Русского государства в отношении якутов требует специального изучения с учетом общих тенденций, характерных для Сибири в целом.

Фискальный фактор (сбор ясака) был определяющим в политике царского правительства в отношении присоединяемых территорий и народов [Бахрушин 1955, с. 49–85; Шунков 1974, с. 198–217; Шерстова 2005, с. 91–127; Дамешек, Дамешек 2014]. Население разделялось на «ясачные волости». Составлялись ясачные книги — реестры ясакоплательщиков. Помимо уплаты ясака они несли также некоторые другие повинности, например казенного извоза. Над ними надстраивался институт ясачных сборщиков. В качестве опорных пунктов выстраивались остроги и зимовья. В местах наибольшего сосредоточения населения учреждались воеводские управления.

Местная элита имела возможность поступить на русскую службу и сохранить некоторые свои привилегии. Присоединенные народы получали статус «ясачных иноверцев» и, принеся «шерть» — присягу русскому царю, становились его подданными. На землях ясачных людей никто не имел права селиться и заниматься промыслом до сбора ясака. Сохранялись функции элиты и в местном управлении. Татарско-мусульманская землевладельческая элита на равных правах включалась в российское наследственное дворянство, но верхушка языческих народов, у которых «господствовали родовые отношения и племенные связи», не принималась [Каппелер 2000, с. 28], хотя делались исключения. Это хорошо видно на примере якутов.

Среди других принципов выделялись: ясак по «образцу монгольской налоговой системы», запрет обращать нерусских в крепостную зависимость и холопов. «Ясач-

ные люди» были приравнены к государственным крестьянам. Верования оставались нетронутыми до XVIII в., когда в петровское время и до 1755 г. наметилась политика религиозной нетерпимости к мусульманам и язычникам. Но с 1763 г. — при Екатерине II — произошел возврат к сотрудничеству [Каппелер 2000, с. 29–30]. Такие зигзаги политики объяснялись конкретной внутренней и внешнеполитической ситуацией. И в каждом конкретном случае все зависело также от положения местного населения. Правительство чутко реагировало на его настроения и охотно шло на уступки и компромиссы.

Продвижение Русского государства в Сибирь было вызвано поиском дополнительных ресурсов (пушнины, моржового клыка) и в дальнейшем необходимо было восстановить разрушенный Смутой экономический потенциал страны. Продолжался также вековой процесс русской колонизации, начатый на Европейском Севере, затем охвативший Поволжье и Урал и продолжившийся дальше на восток. Процесс сопровождался включением в состав Русского государства других народов с иной культурой и религией. Поэтому правительство столкнулось с проблемой построения отношений с ними и выработкой особой политики, так как включаемых народов было много и все они придерживались различных культурных традиций. По-видимому, характер политики зависел от целей и интересов, которые представлял тот или иной присоединяемый регион. Если Казанское и Сибирское ханства составляли конкуренцию Русскому государству и представляли угрозу его безопасности и независимо от дипломатических мероприятий дело завершилось военными действиями, то в Западной и Южной Сибири вектор политики менялся. Здесь уже столкнулись геополитические интересы мусульманских государств Средней Азии, монгольских государств и Цинской империи. Наконец, в Восточной Сибири преобладающим фактором стал чисто экономический интерес — получение пушнины в форме торговли и ясака. Так, например, присоединение алтайцев и хакасов происходило в условиях открытого противостояния между Джунгарией, Цинским Китаем и Россией [История Республики Алтай 2010, с. 26–56; Чертыков 2007].

Очевидно, что присоединение якутов проходило несколько иначе. Якутский случай был облегчен отсутствием аборигенной государственности и внешнеполитического фактора. В частности, якуты разделялись на улусные и клановые группы. Обратим внимание на первые, представлявшие собой территориальные потестарные объединения. Их численность достигала 2–5 тыс. человек. Это волости-улусы Кангаласская и Намская на левом берегу р. Лены и Борогонская, Бетунская, Мегинская и Батурусская (Катылинская) на ее правом берегу. Во главе волостей стояли клановые предводители, в улусах было до пяти и более таких глав, которых русские служилые люди стали называть «князцами» или «лутчими людьми». Среди якутских клановых предводителей выдвинулся глава кангаласских якутов Тынин Мындыков (более известный в якутских легендах как Тыгын), распространивший свою власть не только на свой улус, но и на родственные и соседние группировки накарских, нерюктейских, жарханских, бордонских якутов. Ему и его ближайшей родне принадлежали тысячи голов скота. В отличие от родственных им тюрко-монгольских народов они не выплачивали албан-дань, например, ханам западных и восточных монголов.

Русские служилые люди узнали о неведомом ранее народе «якольцы» (якуты) в 1619–1621 гг. почти одновременно в Мангазейском зимовье и Енисейском остроге

[Якутия в XVII веке 1953, с. 12, 27; Ионова 1945, с. 22; История Якутской АССР 1957, с. 27, 29; Иванов 1999, с. 31–32]. Первые экспедиции мангазейцев Антона Добрынского и Мартына Васильева, а также енисейских казаков Ивана Галкина и Петра Бекетова состоялись в конце 1620 — начале 1630-х годов. Самые первые контакты были неприязненными. Антон Добрынский и Мартын Васильев подверглись нападению и полугодовой осаде в построенном ими укреплении со стороны пяти левобережных князцов, а Иван Галкин и Петр Бекетов натолкнулись на сопротивление Тыгына и его сыновей. Тем не менее Петру Бекетову удалось в течение 1632 г. собрать ясак и взять «шерть» с 32 якутских князцов из 17 «волостей», в том числе со всех упомянутых выше улусов [Иванов 1999, с. 40–42].

Дальнейшие события вновь вызвали напряженность в только что начавшихся складываться отношениях. Петра Бекетова сменил известный своим крутым характером атаман Иван Галкин, который сместил оставленного в остроге сына боярского Парфена Ходырева. Новый начальник стал применять преимущественно насильственные методы сбора ясака, присваивая и раздавая казакам значительную часть сбора, чем вызвал повсеместное недовольство [Иванов 1999, с. 43–44]. Ему пришлось дважды зимой 1633–1634 гг. и 1636–1637 гг. выдерживать столкновения и осады в остроге от мятежных кангаласских якутов во главе с князцами-братьями Откураем и Бозеком. Личностный фактор с самого начала приобрел заметное влияние на события. Характер лидеров казачьих партий, их деловые качества играли немаловажную роль.

Кроме того, происходила конкурентная борьба между различными группами служилых людей, занимавшихся сбором ясака. В первую очередь на приоритет в «приискивании» Ленского края претендовали мангазейские и енисейские служилые люди. Именно двойное взимание ясака стало причиной двух вооруженных выступлений якутов в 1634, 1636–1637 гг. В обоих случаях в числе лидеров были князцы кангаласских и бетунских якутов. Дело усугублялось стычками между партиями мангазейцев и енисейских казаков. Такое столкновение произошло в 1635 г. между отрядами Степана Корытова и посланным из Ленского острога Иваном Галкиным [Токарев 1940, с. 45, 47; Иванов 1999, с. 46]. По-видимому, нельзя утверждать, что военная демонстрация предопределила дальнейший ход событий. Все же вплоть до образования самостоятельного Якутского воеводства сборы ясака были достаточно скромными.

Тем временем в Москве стало известно о беспорядках на вновь присоединенных территориях, и в 1638 г. было принято своевременное и взвешенное решение об образовании самостоятельного Якутского воеводского управления [Токарев 1940, с. 51; Якутия в XVII веке 1953, с. 46–49; История Якутской АССР 1957, с. 36]. Были назначены двое воевод — Петр Головин и Матвей Глебов, приданы полагающийся штат администрации, воинский контингент, группа священников. Для воевод был составлен специальный «наказ», который содержал инструкции по управлению краем. В частности, сбор ясака должен был осуществляться «ласкою и приветом, а не жесточью и не правежем», в отношении представителей якутской элиты предлагалось использовать широкий спектр методов, включая «шерть», взятие «оманатов», наделение князцов полномочиями в сборе ясака, одаривание царскими «подарками» — «государевым жалованьем» оловом, медью, одекуем. Вновь подтверждалось, что ясачных иноземцев «в холопи к себе не имати и не крестити».

Кроме того, воеводы были обязаны следовать твердым принципам сбора ясака: сроки — «по одиножды в год», размер ограничивался индивидуальным имущественным «окладом» (критерием выступал принадлежавший якутам скот), к сбору ясака привлекались князцы и пр. [Наказ 1999, с. 171–198].

В советской историографии события 1642 г. рассматривались как восстание против произвола нового руководства краем в связи с усилением ясачного гнета. В качестве причин поражения восстания указывалось на межплеменную рознь и предательство тойонов [Токарев 1940, с. 51–59]. На наш взгляд, события 1642 г. невозможно рассматривать как восстание, скорее речь может идти о последствиях противоборства как среди самих якутов, так и в среде разных групп служилых людей и промышленников.

Приезд новой администрации затянулся на несколько лет. Воеводы смогли приступить к своим обязанностям только к концу 1641 г. К сожалению, уровень информационной осведомленности и атмосфера недоверия посеяли тревожные и подчас нелепые угрожающие слухи о характере новой власти. По-видимому, в распространении таких слухов принимала участие часть ответственных служилых людей из гарнизона Ленского острога, в частности, приказчик Парфен Ходырев и его окружение. Осознавая, что за беспорядки и особенно вооруженные столкновения им придется понести суровое наказание, они пришли к идее спровоцировать новое выступление якутов с тем, чтобы уменьшить свою вину. Якуты особенно опасались предстоящей переписи, которую согласно полученным инструкциям должны были организовать новые «тоены» (так якуты и по сей день называют высшее начальство). Как не провести здесь параллель между этими событиями и обстановкой, в которой власти Золотой Орды пытались взять «число» с русских княжеств, т. е. переписать население в 1257, 1259 гг.? [Кривошеев, Соколов 2009, с. 141–158]. Недовольство новгородцев связывается с особенностями архаического сознания — страхом перед новизной и чувством отвращения к подсчету людей, их скота и имущества. По-видимому, и у якутов сказывалось нечто подобное, кроме того, они опасались потерять свой скот (главное свое достояние), который, согласно нелепым провокационным слухам, у них должны были отобрать в пользу русских. Взрыв негодования и агрессии вызвали совсем уже угрожающие слухи об аресте «лутчих якутов» и «избиении» другой части якутов.

Выступление якутов 1642 г. стало отзвуком событий 1633–1639 гг. и было спровоцировано вышеописанными слухами. К счастью, до открытого вооруженного столкновения дело не дошло. Здесь свою роль сыграли дипломатические усилия части якутской элиты, а именно переговоры борогонского князца Логуя Амыканова, намского князца Мымака Намова и кангаласских князцов Ники Тынинина и Еюка Никина с воеводами. Хотя в нескольких местах были перебиты небольшие группы воеводских переписчиков и к острогу к началу марта 1642 г. стянулись сотни вооруженных якутов из разных ясачных волостей, дальше этого дело не пошло. Наиболее непримиримо настроенные лидеры кангаласских якутов Откурай и Бозеко, сыновья Тыгына, а затем и лидеры других улусов уже через несколько дней вступили в переговоры с воеводой Петром Головиным, предлагая «головщину» — выкуп за убитых переписчиков. Дальнейшее уже лежит на совести конкретных должностных лиц, например, самого первого воеводы, письменного головы Василия Пояркова и др., которые в ожесточении от известия о гибели русских служилых людей

превысили свои полномочия. Так, по приказу воеводы были казнены 23 ясачных якута, которых обвиняли в убийстве казаков [Токарев 1945, с. 292–293]. Отряд же Пояркова проявил излишнюю жестокость в Бетунской волости, поджегши выстроенное якутскими князьями Камыком, Мазеем и их братьями укрепление, где погибло много людей, в том числе мирных жителей. Даже Токарев признавал, что «террористические действия» Головина не были характерны для общепринятой практики военно-служилой знати и «не могут служить образцом классовой политики царизма» [Токарев 1945, с. 293].

«Сыск», произведенный Головиным, является лишь эпизодом в грандиозном процессе перехода огромной территории под контроль Русского государства в течение считанных лет. Уже к 40-м годам XVII в. границы его распространились до берегов Тихого океана. Головину все же удалось провести перепись и выяснить примерную численность якутского населения и его платежеспособность. Был осуществлен переход от коллективной («с рода») формы обложения ясаком к индивидуальной. Теперь каждый ясакоплательщик (мужчина старше 18 лет) платил ясак в зависимости от размера своего имущества. Так, ясачный, имевший хотя бы 1–2 головы скота, должен был расплатиться 1 соболем в год, а индивидуальный размер ясака хозяина более 20 голов скота исчислялся с каждых 4 голов скота по 1 соболю [Якутия в XVII веке 1953, с. 259]. В этом отношении якуты находились в более выгодном положении, чем тунгусы, с которых на протяжении XVII столетия взимали по 3–5 соболей с одного ясакоплательщика [Якутия в XVII веке 1953, с. 261]. Правящие круги Русского государства сделали ставку на якутов, союз с которыми позволял продвинуться дальше и закрепиться на дальневосточных просторах, что и произошло в дальнейшем.

Уже в первые годы в сборе ясака активное участие принимали сами якутские князцы, сопровождавшие ясачных сборщиков в их разъездах по ясачным волостям и контролировавшие порядок сбора, запечатывая «мягкую рухлядь» своими печатями. Об этом говорилось особо в наказах воеводам [Токарев 1945, с. 299–300]. Взамен они получали гарантии защиты от внешнего вмешательства, льготы в торговле, в которой они были весьма заинтересованы. Хотя якуты имели возможность уйти на отдаленные окраины, что зачастую и происходило, князцы в большинстве своем оставались на своих землях.

В дальнейшем случавшиеся столкновения не выходили за рамки внутренних распрей и беспорядков. Это и движение ярканских якутов Балтуги Тимиреева 1675–1676 гг., и выступление части кангаласских якутов против воеводы Приклонского в 1682 г. под предводительством Дженника. Они не носили политического и тем более этнического характера. Примечательно, что к кангаласским якутам во втором случае примкнули ссыльные русские раскольники и казаки, породнившиеся с якутами [Токарев 1945, с. 281]. По-видимому, недовольство было вызвано притеснениями самого воеводы.

Глубинные причины недовольства ясачных якутов, отмеченные во второй половине XVII в., заключались в несовершенстве ясачной системы, которая не могла учесть таких объективных трудностей, как истощение соболиных промыслов, эпидемии, когда значительная часть ясакоплательщиков вымерла. Интересен опыт первого открытого диалога между представителями якутской элиты и царем.

Поездка 1676–1677 гг. в Москву князцов намского Нохто Никина, кангаласского Мазары Бозекова и мегинского Трека Орсукаева считается самым пер-

вым визитом якутов в столицу Русского государства, закончившимся аудиенцией у царя Федора Алексеевича. Помимо облегчения ясака (отмены взимания с мертвых душ, замены натурального сбора денежным и пр.) они просили освободить их от обязанности платить ясак и позволить им «наряжать» на ясачный сбор своих родников [Токарев 1945, с. 314–315; Иванов 1966, с. 352–353]. Кроме того, в ответ на просьбу несколько расширить их судебные полномочия князцы по указу от 9 февраля 1677 г. получили право судить в своих волостях «малые дела» (стоимостью от 2 до 5 руб.) совместно с воеводами и ясачными сборщиками [Иванов 1966, с. 353–354; Башарин 2003, с. 153]. Результаты этой поездки стали важным прецедентом в русско-якутских взаимоотношениях. Она дала начало прямому диалогу якутских князцов с верховной властью.

В том же духе проходила поездка 1679–1680 гг. Мазары Бозекова «с товарищи», мегинского князца Чугуна Бодоева, борогонского князца Чуки Капчинова. Кроме того, они привезли и продали около 1,5 тыс. шкур соболей [Токарев 1945, с. 88], что было неслыханным делом. Впервые якуты получили возможность торговать за пределами своего края.

Получив требуемое, князцы на деле выказали свою готовность служить царской власти, они участвовали в военных мероприятиях якутских воевод, в частности, в походах на «немирных иноземцев». В 1693 г. князцы Мазары Бозеков и Чука Капчинов были посланы воеводой с казаками против восставших индигирских ламутов. Отразив нападение, они вступили с ними в переговоры [Токарев 1945, с. 292]. Кроме того, начался процесс интеграции представителей якутской элиты в состав русской служилой знати. Так, пожалования якутов званиями детей боярских началось уже в конце XVII в. В 1677 г. такое звание получил Кисикей Сахалтин (в крещении Леонтий Львов), а в 1705 г. — его сын Иван Леонтьев [Башарин 2003, с. 32]. В 1679/1680 г. грамоту о поверстании в дети боярские получил новокрещенный якут Иван Румянцев, а его ясак в 1698/1699 г. был переведен на его племянника Модякая. В том же году, что и Румянцев, получил боярский чин «иноземец» Павел Иванов [Иванов 1991, с. 40].

Ясачный недобор к концу столетия вновь стал увеличиваться. Из «подгородных волостей» усилился отток ясачного населения на окраины. В некоторых волостях до половины и более ясачных числились как «сшедшие». Кроме того, зафиксировано массовое бегство «в Дауры», т. е. в пределы Цинского государства. Точной статистики пока нет, но это стало одной из главных забот воевод [Романов 1956, с. 13–14]. Наступил новый кризис во взаимоотношениях властей с якутским населением.

Правительство молодого Петра I, получив сведения о ясачном недоборе и вновь участвовавших злоупотреблениях служилых людей, направило следственную комиссию во главе с Ф. Качановым (1691–1695 гг.) [Романов 1956, с. 16–19]. Вообще, надо отметить, что правительство довольно часто практиковало отправку специальных комиссий для расследования злоупотреблений: в 1719 г. такая комиссия была направлена в Иркутск, в 1733 г. — в Якутск, в 1737, 1745 и 1748 гг. — вновь в Иркутск [Башарин 2003, с. 249]. Л. С. Рафиенко особенное внимание уделила изучению таких комиссий за период 1730–1760-х годов, совершенно справедливо указав на недостатки организации местного управления [Рафиенко 2006, с. 62–111].

По итогам следствия был издан Указ от 26 декабря 1695 г., ужесточивший наказания «за воровство» при сборе ясака вплоть до смертной казни, одновременно за

исправную службу воеводам устанавливались поощрения в виде увеличения срока воеводства с 2 до 3–6 лет [Романов 1956, с. 20]. Как бы претворяя в жизнь царский указ, в 1698–1704 гг. якутский воевода Д. А. Траурнихт прибег к суровым мерам в отношении недобросовестных ясачных сборщиков, на которых поступили жалобы ясачных, вплоть до конфискаций и телесных наказаний виновных служилых людей [Романов 1956, с. 21–22]. Накопившиеся недоимки по ясаку с 35 якутских волостей в 1708 г. были сняты, заметим, забегая вперед, что так же правительство поступило и в 1732–1734 гг. [История Якутской АССР 1957, с. 85, 88].

Все это, несомненно, благоприятно сказалось на общей ситуации. В результате началось возвращение бежавших в Китай якутов [Романов 1956, с. 22–24]. Таким образом, меры правительства по преодолению возникавших кризисов имели позитивный результат.

Правительство Петра I продолжило политику привлечения якутов на службу. Так, в начале XVIII в. несколько десятков якутов служили казаками [Иванов 1992, с. 147]. Как свидетельствуют источники, на протяжении наступившего столетия зафиксированы несколько десятков якутов в чинах детей боярских и дворян — Матвеевы, Поротовы, Новгородовы и др. [Иванов 1991, с. 41–45; Иванов 1992, с. 147–152]. Например, в 1709 г. зафиксирован один из первых случаев, когда дворянское звание получил новокрещенный князец Федор Матвеев [Иванов 1966, с. 356–357]. При этом многие из них учились грамоте. Всего ко второй половине XVIII в. уже было до 90 грамотных якутов [Иванов 1991, с. 45].

Указ Петра I от 6 декабря 1714 г. «Об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татар и у якутов, и окрещении сих народов в христианскую веру» имел целью укрепление внутреннего и внешнего положения России, но вызвал противодействие, особенно в мусульманских регионах, например, в Поволжье. В Якутии же интересы фиска вынудили отказаться от политики насильственной христианизации [Шишигин 1991, с. 17–19].

Указы о крещении — и Петра I (1714 г.), и его последователей Анны Иоанновны (1732, 1740 гг.), Елизаветы Петровны (1744 г.), Екатерины I — устанавливали для новокрещенных подарки и льготы [Шишигин 1991, с. 20–21], но до 1760-х годов правительство все же воздерживалось от массовой христианизации, в чем проявлялась гибкость правительственной политики, согласованной с местными условиями.

Нужно отметить, что губернская реформа 1708 г. имела негативные последствия для управления Якутским уездом. Если до сих пор он непосредственно подчинялся высшим органам власти, то теперь оказался в самом низу вновь возникшей трехступенчатой административной иерархии «губерния — провинция — уезд» [Сафронов 1978, с. 26–27]. Это создавало громоздкую бюрократию и дополнительную почву для злоупотреблений. Например, за период с 1710 по 1730 г. вновь увеличивались ясачные недоимки и вновь участились случаи злоупотреблений служилых людей. Лихоимства ясачных сборщиков достигли небывалых размеров. Ссылный вице-президент Коммерц-коллегии Генрих фон Фик в своей «Записке», представленной Елизавете Петровне 20 февраля 1744 г., подробно описал ситуацию, «коей он был непосредственным свидетелем» [Романов 1956, с. 59–62; Башарин 2003, с. 250]. «Якуты — тихий, религиозный и добросовестный в платежах народ», поэтому в интересах правительства «оказать протекцию этим полезным и хорошим подданным и завести среди них порядок, и разум подсказывает, што соседние свобод-

ные орды очень точно следят за положением русских подданных и за сбором ясака. Если они находят положение русских подданных справедливым, то они добровольно идут в подданство и, напротив, если они находят его невыносимым, то они сопротивляются, как, например, чукочи», — писал Фик [Башарин 2003, с. 243]. Надо подчеркнуть, что мнение столь компетентного государственного деятеля в дальнейшем было учтено правительством.

Правительство Петра I на раннем этапе сняло напряженность, возникшую к концу XVII в., но последующие мероприятия стали причиной нового кризиса. Так, например, в результате деятельности академических экспедиций 1725–1745 гг. с 1733 г. было учреждено почтовое сообщение между Иркутском и Якутском. Но казенный извоз на вновь возникших трактах лег тяжким бременем на плечи якутского населения [Романов 1956, с. 63–64]. В 1736–1773 гг. якуты поставили на тракты 111 952 лошади и 17 367 проводников практически безвозмездно. Причем если в первые годы в среднем в год брали 661 лошадь и по 103 проводника, то к 1760-м годам поставки достигли 5 тыс. лошадей и больше, а проводников требовалось свыше 800 человек в среднем в год [Башарин 2003, с. 237]. Таким образом, вновь возникла конфликтная ситуация.

Начиная с 1732 г. на Якутский уезд были распространены положения «Инструкции» полномочного посла в Китае Саввы Владиславича-Рагузинского дозорщикам Фирсову и Михалеву 1728 г., в которой полномочия по суду «в малых делах» (калым, малые ссоры, воровство скота, побои и пр.) передавались князьям или выборным начальникам из трех родов. При этом воеводам и комиссарам под угрозой штрафа и телесного наказания запрещалось вмешиваться в эти дела [Романова 1956, с. 50–51; Башарин 2003, с. 154; Выписки о ясашных 2003, с. 363].

Челобитная батурусского князя Кутуяха Китчиева 1751 г. иркутским властям, по-видимому, была первым проявлением конфликта. Тут же последовавший в 1752 г. указ подтвердил прежний и наделил князцов правом наказывать виновных батогами, плетью и содержанием в кандалах и запретил воеводской канцелярии пересуживать дела, решенные князьями [Акты архивов Якутской области 1916, с. 195–196; Токарев 1945, с. 319; Башарин 2003, с. 154]. Дело в том, что отмеченная выше коррупция на разных властных уровнях была по привилегиям местной знати — князцов, и то, что один из видных князцов обратился напрямую в Иркутск, минуя уездный уровень, было тревожным сигналом.

Проблемой, как исправить сложившееся положение, были озабочены не только такие деятели, как Генрих фон Фик, в качестве ссыльного оказавшийся в Якутии и ставший невольным свидетелем произвола и опытным глазом разглядевший «корни зла». Например, интерес представляет инициатива правительства по составлению особых «Выписок о ясашных», куда включались все акты, касающиеся ясачных [Иванов 1991, с. 45–53]. Этот документ служил своеобразным инструментом, сдерживавшим беззаконие. Отсюда и стремление приобщить самих ясачных к русской грамоте, чтобы они могли знать свои права, закрепленные в русском законодательстве. Рукописные списки этого документа хранились на руках князцов, а впоследствии — при каждом органе инородческого самоуправления вплоть до начала XX в.

Проект камчатского чиновника и якутского воеводы Ф. Чередова, представленный в Сенат, свидетельствовал о неурядицах в сборе ясака и накоплении недоимок

и предлагал возложить сбор ясака на князцов. О злоупотреблениях ясачных сборщиков писал сибирский губернатор Ф. Соймонов, пытавшийся принять какие-то меры по их пресечению, например, он приказал собирать жалобы ясачных на притеснения со стороны последних [История Якутской АССР 1957, с. 133–134]. Эти два проекта инициировали создание знаменитой Первой ясачной комиссии, работавшей в 1760-х годах в Сибири и имевшей подкомиссии на местах.

В ответ на поступившие прошения Первая ясачная комиссия начала работать в 1763 г., а специальная **Якутская комиссия** — в 1766–1769 гг. [Романов Н. С. 1956, с. 71–92; История Якутской АССР 1957, с. 135–150; Башарин 2003, с. 245–295, 357–358]. Насколько большим было значение Якутской комиссии, говорит тот факт, что о ней сохранились фольклорные свидетельства. Якуты ее называли «Миронова комиссия» по имени якутского воеводы Мирона Черкашенинова, который и был председателем комиссии. Комиссии была дана «Инструкция», определившая принципы ее работы: гарантия защиты от злоупотреблений ясачных сборщиков, переобложение новым окладом ясака с учетом владения землей, организация сугланов (общих сходов), ярмарок, учет жалоб ясачных, особые полномочия в решении конфликтных ситуаций и т. д. [Башарин 2003, с. 252–256]. Все эти мероприятия были проведены за короткий срок и сопровождались действенными результатами, кардинально изменившими положение и разрешившими конфликтную ситуацию.

Отметим особо, что было официально упразднено аманатство [История Якутской АССР 1957, с. 138]. Это было, пожалуй, наиболее унижительным, откровенно силовым методом ясачной политики, хотя по отношению к якутам де-факто он перестал применяться еще в XVII в.

Что касается «подарочной казны», то ее составляли «медь зеленая», «медь красная», олово, крашенина, холст, слюда, которые уже давно служили своеобразным «жалованием» якутских князцов [Романов Н. С. 1956, с. 46–47]. После работы Комиссии жалование князцов за службу получает дальнейшее развитие. Так, около 2 % ясачного сбора стало поступать в качестве вознаграждения в пользу князцов, они одаривались также сукном, табаком и огнивом, получали кортики с монограммой и медали [Романов 1956, с. 77; История Якутской АССР 1957, с. 139–140]. Фактически князцы стали частью государственной системы управления, хотя и находились за штатом, но без них уже не могла эффективно действовать административная система в налоговой, судебной и полицейской сферах.

Несмотря на то что общий ясачный оклад увеличился с 38 тыс. руб. в 1765 г. до 46 тыс. руб. в 1767 г., а по сравнению с предыдущей переписью он вырос почти втрое, замена натурального ясака денежным стала законом [Романов 1956, с. 79–82; Башарин 2003, с. 283, 285]. Возможность уплаты ясака в денежном выражении заметно облегчила положение ясачных, так как создавала альтернативу тяжелой повинности добывать пушного зверя, численность и места обитания которого уменьшались с каждым годом.

Указ Сибирской комиссии от 12 сентября 1767 г., запретивший неясачным людям жить в якутских улусах [Романов 1956, с. 90; Башарин 2003, с. 285; Выписки о ясачных 2003, с. 368–369], создавал еще один барьер внешнему влиянию, закрепляя патерналистскую традицию управления.

Наконец, в 1767 г., состоялась знаменитая **депутация Софрона Сыранова** [История Якутской АССР 1957, с. 150–151]. Она сопровождалась оформлением

проектов, исходивших от самих якутов в виде «наказов» и особых «пополнений к наказам» избранного депутата. Таким образом, разрешение новой конфликтной ситуации, затянувшейся на десятилетия, начиная с 1730-х годов вышло на новый уровень. Впервые субъекты этноконфессиональной политики Русского государства выражают свои нужды в документах программного характера.

По Указу от 14 декабря 1766 г. была создана «Комиссия о сочинении нового уложения». Якутам была предоставлена возможность выбрать и послать в эту комиссию своего депутата. 9 января 1768 г. якуты пяти подгородных улусов выбрали депутатом С. Сыранова, 17 октября 1768 г. он был утвержден Сенатом в качестве депутата Комиссии [Романов 1956, с. 93–94, 97]. Это был кангаласский князец, потомок Тыгына. Видна определенная преемственность в практике русских властей общения с потомственной якутской знатью.

Вскоре указом Сената от 10 июня 1769 г. был отменен институт сборщиков ясака, функции которых перешли к самим князьям [Романов 1956, с. 77, 97; Выписки о ясашных 2003, с. 375–377] и были подтверждены положения «Инструкции» С. Владиславича-Рагузинского о суде ясачных [Романов 1956, с. 97; Башарин 2003, с. 288]. Это были, пожалуй, главные достижения депутации.

Воевода М. Черкашенинов составлял «Наставления» князьям по управлению своими волостями-наслегами, где прописывались их обязанности по исправному сбору ясака, перечислялись полномочия наказывать нерадивых, защищать своих людей от лихоимства чиновников, не позволять купцам выкупать пушнину в наслеге, вплоть до их изгнания и т. д. [Башарин 2003, с. 290–294]. Вместе с названными «Выписками о ясачных» подобные документы создавали законодательную базу, на которой основывалась практическая деятельность властей всех уровней, в том числе и на уровне управления ясачными народами.

Обращает на себя внимание то, что правительственные меры не ограничивались чисто административными мероприятиями. Довольно рано пришло осознание важности приобщения ясачных якутов к русской письменной культуре. В 1732 г. Иркутская провинциальная канцелярия предписала Якутской воеводской канцелярии завести воеводскую школу за казенный счет для детей ясачных иноверцев, «кто пожелал бы креститься» [Софронеев 1972, с. 155–156]. Это был первый случай, когда было предложено учредить школу именно для детей якутов. Других сведений, к сожалению, нет, тем не менее уже само намерение выделить деньги государства для обучения ясачных якутов свидетельствует о продуманности политики, учитывавшей и культурную составляющую. В 1735–1747 гг. действовала духовная школа при Якутском Спасском монастыре, где обучались и новокрещенные якуты [Софронеев 1972, с. 156]. Более того, были открыты навигацкие школы в 1736 г. в Охотке, а в 1739 г. в Якутске, куда принимались без ограничений дети казаков, мещан, матросов, чиновников и якутов [Чемезов 1954, с. 41; Софронеев 1972, с. 156]. Это говорит о том, что сословные и этнические различия уже тогда не были препятствием для получения образования и интеграции в российское общество.

Первые годы прихода русских в Якольскую землю сопровождалась столкновениями, вызванными страхом перед чужеземцами и недоверием. Этот период был скоротечен и вскоре сменился переходом в подданство русского царя. Восстания якутов 1630-х годов были вызваны неурядицами в среде служилых людей, прибывавшими из разных опорных пунктов Сибири (Енисейского острога, Мангазейско-

го зимовья, Красноярского и даже Томского острогов), возникшей конкуренцией между ними. Между воеводами не были определены полномочия. Ситуация выправилась благодаря своевременному решению об учреждении самостоятельного Якутского воеводского управления (1638–1641 гг.).

Здесь сложилась довольно эффективная модель управления. Переход в подданство русского царя осуществлялся через уплату ясака ценными мехами, символическим актом этой практики было принесение клятвы-шерти. С элитой якутского общества установился своеобразный консенсус. Царское правительство не вмешивалось во внутренний уклад жизни. Разграничивались полномочия, в частности, в судебной сфере. Мелкие административные дела стоимостью до 3–5 руб. передавались князьям. Более крупные, так называемые «креминальные дела» делегировались царской администрации. Князцы, согласно договоренности по результатам депутатий второй половины XVII в., также участвовали в сборе ясака, удостоверяя специальными «государевыми печатями» собранный ясак и сопровождая ясачную казну до места назначения. Де-факто князьям было дозволено напрямую обращаться к верховной власти путем подачи челобитных и поездок в столичные города. Этой своей привилегией князцы воспользовались сполна.

В силу как объективных, так и субъективных причин неизбежно возникали конфликтные, кризисные ситуации. В изучаемое время мы насчитали не менее трех таких случаев: 1) в 1630-е годы (годы первых лет русской колонизации края, когда не было ни стабильных форм ясачной системы, ни порядка среди конкурировавших между собой групп служилых людей); 2) в середине и к концу XVII в., когда установившийся государственно-правовой порядок выдерживал вызовы времени (падение соболиных промыслов, эпидемии и пр.); 3) наконец, самый затяжной кризис, постепенно нараставший с 1720–1730-х годов и отчетливо давший о себе знать к середине столетия. Если первые разрешались путем административных мер (изданием репрессивных указов в отношении нечистоплотных чиновников, посылкой следственных комиссий, сложением накопившихся недоимок в ясачном сборе, путем переговоров с элитой якутского общества), то самый трудный — последний — был разрешен совместными усилиями трезво мыслящей части сибирского и якутского чиновничества и лидерами нарождавшегося якутского самоуправления. Успех был обеспечен проектной деятельностью целого ряда деятелей. Был разработан комплекс мер по преодолению конфликтной ситуации. Для обеспечения проводимых реформ была создана Первая ясачная комиссия — беспрецедентное мероприятие в истории внутренней политики Русского государства в изучаемый период.

В целом на протяжении почти 150 лет правительственный курс не изменял своему главному принципу — обеспечения патерналистских отношений между властью и ясачным населением. Эти принципы включали в себя признание за ясачными статуса практически полноправных подданных, исполнявших определенные обязанности. Им гарантировалась экономическая неприкосновенность, предоставлялось право жить по своим законам. Традиционная культура сохранялась, так как сохранялся традиционный образ жизни. Более того, государство предоставляло возможность, прежде всего представителям элиты якутского общества, войти в состав служилого сословия на правах казачества и дворянства, приобщиться к русской письменной традиции (открытие школ), вступать в деловые отношения за пределами своего внутреннего рынка.

Веротерпимость и осмотрительность в деле приобщения ясачных к православной вере также обеспечивали успех в проведении этноконфессиональной политики в изучаемое время. Кризисные ситуации неизбежно возникали (утрата доверия, бегство за границу, недовольство, открытая конфронтация), но всякий раз правительство умело найти нужное решение, используя широкий набор средств из прежнего опыта и находя новые методы путем постоянных поисков.

Источники и литература

- Акты архивов Якутской области (1650–1800) / под ред. Е.Д.Стрелова. Якутск: Изд-во Якут. обл. правления, 1916. 310 с.
- Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. Т. I. М.: Арт-Флекс, 2003. 448 с.
- Выписки о ясачных // Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии: в 2 т. Т. I. М.: Арт-Флекс, 2003. С. 363–424.
- Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII веке // Научные труды. Т. III, ч. 2. М.: Наука, 1955. С. 49–85.
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 303 с.
- Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.
- Иванов В.Ф. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 213 с.
- Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии в конце XVII — начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1992. 228 с.
- Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск: Кн. изд-во, 1966. 424 с.
- Ионова О.В. Из истории якутского народа (XVII век). Якутск: Гос. изд-во ЯА ССР, 1945. 112 с.
- История Республики Алтай. Т. II. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. 472 с.
- История Якутской АССР. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 420 с.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя / пер. с нем. яз. С. Червонной. М.: «Традиция»; «Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сб. документов / под ред. Я.П.Алькора, Б.Д.Грекова. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г.Смидовича, 1936. 282 с., 14 табл.
- Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 240 с.
- Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.
- Наказ царя Михаила Федоровича первым якутским воеводам Петру Головину и Матвею Глебову по вопросам управления новым Якутским уездом // Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Сибирская изд. Ко РАН, 1999. С. 171–198.
- Рафиенко Л.С. Следственные комиссии в Сибири в 30–60-х годах XVIII в. // Проблемы истории, управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Избранное. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 304 с.
- Романов Н.С. Ясак в Якутии в XVII веке. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1956. 102 с.
- Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М.: Наука, 1978. 260 с.
- Софронеев П.С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. 184 с.
- Токарев С.А. Общественный строй якутов. XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 412 с.
- Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 248 с.
- Уайт Дж. М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / пер. с англ. С. К. Меркулова. М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. 251 с.
- Чемезов В.Н. Первые школы в Якутии // Доклады на пятой и шестой научных сессиях ЯФ СО АН СССР. Якутск: Кн. изд-во, 1954. С. 38–46.
- Чертыков В.К. Хакасия в XVII — начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. 336 с.
- Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 321 с.

- Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск: «Полиграфист» ЯНЦ СО АН СССР, 1991. 116 с.
- Шунков В. И. Основные проблемы изучения истории Сибири // Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. С. 198–217.
- Якутия в XVII веке. Очерки / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 450 с.
- Coates K. Best left as Indians: native-white relations in Yukon Territories, 1840–1973. Montreal; Kingston; London; Buffalo: McGill-Green's University Press, 1991. 356 p.
- Fisher R. H. The Russian fur trade 1550–1700. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1943. 275 p.
- Lantzeff G. V. Siberia in the seventeenth century. A study of Colonial Administration. New York: Octagon books, 1972. 224 p.
- Vanstone J. Athapaskan adaptations. Hunters and fisherman of the subarctic forests. Chicago: Aldine Publishing Company, 1974. 146 p.
- Wood A. Introduction to: The history of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. London; New York: Routledge, 1991. 192 p.

References

- Akty arkhivov Yakutskoi oblasti [Archival acts of Yakut region] (1650–1800). Ed. by E. D. Strelov. Yakutsk, Yakutskoe oblastnoe pravlenie [Yakut Provincial Department] Print., 1916, 310 p. (In Russian)
- Basharin G. P. Istorija agrarnykh otnoshenii v Yakuti [The history of agrarian relations in Yakutia]. Vol. I, Moscow, Art-Fleks Publ., 2003, 448 p. (In Russian)
- Bakhrushin S. V. Yasak v Sibiri v XVII veke [The yasak in Siberia in 17th century]. Naushnye Trudy [Scientific works]. Vol. III, Chapter 2, Moscow, Nauka Publ., 1955, pp. 49–85. (In Russian)
- Vypiski o yasashnykh [Extract about yasachnye]. Basharin G. P. Istorija agrarnykh otnoshenii v Yakuti [The history of agrarian relations in Yakutia]. In 2 vols, vol. I. Moscow, Art-Fleks Publ., 2003, pp. 363–424. (In Russian)
- Dameshek L. M., Dameshek I. L. Yasak v Sibiri v XVIII — nachale XX v. [Yasak in Siberia in 18th — at the beginning of 20th century]. Irkutsk: Irkutsk State University Press, 2014, 303 p. (In Russian)
- Ivanov V. N. Vkhodzenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The entry of North-East Asia in Russian state]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1999, 199 p. (In Russian)
- Ivanov V. F. Russkie pismennye istochniki po istorii Yakutii XVIII — nachala XIX v. [Russian written sources by history of Yakutia in 18th — at the beginning of 19th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 213 p. (In Russian)
- Ivanov V. F. Socialno-ekonomicheskie otnosheniia v Yakutii v konce XVII — nachale XIX v. [Social-economic relations in Yakutia in the end of 17th — at the beginning of 19th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 228 p. (In Russian)
- Ivanov V. N. Socialno-ekonomicheskie otnosheniia u yakutov. 17 vek. [Social-economic relations of Yakuts. 17 century]. Yakutsk, Books Publ., 1966, 424 p. (In Russian)
- Ionova O. V. Iz istorii yakutskogo naroda (XVII vek) [From history of Yakut people (17th century)]. Yakutsk, Gos. Izd-vo YA SSR [State Publ. YA SSR], 1945, 112 p. (In Russian)
- Istoriia Respubliki Altai [The history of Altai republic]. Vol. 2. Gorno-Altai, Gorno-Altai Print. House, 2010, 472 p. (In Russian)
- Istoriia Yakutskoi ASSR [History of Yakut ASSR]. Vol. 2. Moscow, Academy of Sciences SSSR Publ., 1957, 420 p. (In Russian)
- Kappeler A. Rossiia — mnogonacionalnaia imperiia [Russia — multinational empire]. Transl. from German by S. Chervonnaiia. Moscow, "Tradiciia"; "Progress-Tradiciia" Publ., 2000, 344 p. (In Russian)
- Kolonialnaia politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii 17 v. [The colonial policy of Moscow State in Yakutia in 17 century]. Volume of documents. Eds Y. P. Alkor and B. D. Grekov. Leningrad, Institute of Northern Peoples CIK SSSR named by P. G. Smidovich Publ., 1936, 282 p., 14 tabl. (In Russian)
- Krivosheev Yu. V., Sokolov P. A. Aleksandr Nevskii: epokha i pamyat: istoricheskie ocherki [Alexander Nevskii: epoch and memory: historical essay]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press., 2009, 240 p. (In Russian)
- Levental L. G. Podati, povinnosti i zemlya [Taxes, duties and a land]. Materialy po obychnomu pravu i obschestvennomu bytu yakutov [Materials on first law and social life of Yakuts]. Leningrad, Academy of Sciences SSSR Publ., 1929, pp. 221–448. (In Russian)

- Rafienko L. S. Sledstvennyye komissii v Sibiri v 30–60-kh godakh 18 v. [Investigative commission in Siberia in 1730–1760]. *Problemy istorii, upravliniia i kultury Sibiri XVIII — XIX vv.* [Problems of history, rule and culture of Siberia in 18th–19th centuries]. Selected works. Novosibirsk, “Sova” Publ., 2006, 304 p. (In Russian)
- Romanov N. S. *Yasak v Yakutii v XVII veke* [Yasak in Yakutia in 17th century]. Yakutsk, Yakut Books Publ., 1956, 102 p. (In Russian)
- Safronov F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.* [Russians in the North-East Asia in 17th — at the middle of 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 260 p. (In Russian)
- Sofroneev P. S. *Yakuty v pervoi polovine XVIII veka* [Yakuts in the first half of 18th century]. Yakutsk: Yakut Books Publ., 1972, 184 p. (In Russian)
- Tokarev S. A. *Obschestvennyi stroi yakutov. XVII — XVIII vv.* [Social structure of Yakuts. 17th–18th centuries]. Yakutsk, Yakut State Publ., 1945, 412 p. (In Russian)
- Tokarev S. A. *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [History essay of Yakuts]. Moscow, State Social and Economic Publ., 1940, 248 p. (In Russian)
- Uait Dz. M. *Indeicy Severnoi Ameriki. Byt, religiia, kultura* [Indians of North America. Life, religion, culture]. Translated from English by S. K. Merkulov. Moscow, “Centropoligraf” Publ., 2006, 251 p. (In Russian)
- Chemezov V. N. *Pervye shkoly v Yakutii* [First schools in Yakutia]. *Doklady na pyatoi i shestoi nauchnykh sessiyakh YF SO AN SSSR* [Reports on the 5th and the 6th scientific sessions of YC SB AS USSR]. Yakutsk, Yakut Books Publ., 1954, pp. 38–46. (In Russian)
- Chertykov V. K. *Khakassia v XVII — nachale XVIII veka i eyo vzaimootnosheniia s Rossiiei I gosudarstvami Centralnoi Azii* [Khakassia in 17th — at the beginning of 18th century and its mutual relations with Russia and states of Central Asia]. Abakan, Khakassia Book Publ., 2007, 336 p. (In Russian)
- Sherstova L. I. *Turki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: etno-politicheskie process i etno-kulturnaia dinamika XVII — nachala XX v.* [Turks and Russians in South Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamic of 17th — at the beginning of 20th century]. Novosibirsk, Institute of the Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2005, 321 p. (In Russian)
- Shishigin E. S. *Rasprostraneniye khristianstva v Yakutii* [The spread of Christianity in Yakutia]. Yakutsk, “Poligrafist” (SB AN SSSR) Publ., 1991, 116 p. (In Russian)
- Shunkov V. I. *Osnovnyye problemy izucheniia istorii Sibiri* [Main problems of studying the history of Siberia]. *Voprosy agrarnoi istorii Rossii* [Questions by Russian agrarian history]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 198–217. (In Russian)
- Yakutia v XVII veke* [Yakutia in 17th century]. Essay. Eds S. V. Bakhrushin, S. A. Tokarev. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1953, 450 p. (In Russian)
- Coates K. *Best left as Indians: native-white relations in Yukon Territories, 1840–1973*. Montreal; Kingston; London; Buffalo. McGill-Queen's University Press, 1991, 356 p.
- Fisher R. H. *The Russian fur trade 1550–1700*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1943, 275 p.
- Lantzeff G. V. *Siberia in the seventeenth century. A study of Colonial Administration*. New York, Octagon Books, 1972, 224 p.
- Vanstone J. *Athapaskan adaptations. Hunters and fisherman of the subarctic forests*. Chicago, Aldine Publishing Company, 1974, 146 p.
- Wood A. Introduction. *The history of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. Ed. by A. Wood. London; New York, Routledge Publ., 1991, 192 p.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.